

ВЕЧНАЯ КЛАССИКА

1.III.[1]1923 «Париж»¹

Статья Милюкова о монархии и республике в «Посл[едних] нов[остях]».

Схоластический спор, далекий от жизни. Демократии — монархии — все это сейчас получило другой смысл. Кто верит этим формам жизни как формам?

Важно *содержание*: свобода слова, мысли, веры. Обеспечение личности, собственности — как необходимое условие защиты личности. Работа культурная. Работа над будущим человечества: организация знаний.

Это может быть при всякой форме. Кто сейчас может это дать больше? Царь или «республика»?

Важно, чтобы мысль молодежи и других направилась на содержание, а не на форму.

Читал булете² об Акад[емии] Франц[узской]. Это действительно совсем единственное учреждение. Удивительно, как всюду чувствуется удар революции даже в возродившихся учреждениях, как Академия. Там же о Шамфоре [4]. Об нем впервые я узнал из Шопенгауэра, летом в Крыму. Недавно проглядел “Pensees”. В общем очень мелко и фигура маленькая.

Работал над лекцией. В первый раз попытаюсь кое-что высказать из мыслей о сознании человека, как силы Земли.

Речь Шеррингтона в Proc[eedings of] R[oyal] Soc[iety] и журналы итал[ьянские] и шведск[ие] научн[ые] (за) [1]1922—[192]3 (гг.). Все случайно. Из речи Шеррингтона ясна новая форма коллективной работы: Канадский Унив[ерситет] в Торонто: нахождение вещества, усваив[ающего] и регул[ирующего] сахар. Опять новый итальянский математик.

Недавно разговор с Пэнлевэ: во Франции есть молодежь, стремящаяся к матем[атической] раб[оте]. Не чувствуется прекращения традиции. Есть подрастающие. То же и в Италии. Важно ли впечатление для русской науки, для математики?

18.V.[1]1923 «Париж»

С Лисбоном и Борелем окончательно сговорился о геохимии.

Большой разговор с Борелем о русских ученых и связи с французами. Говорил с ним о необходимости русско-французского центра (тоже, что с Жантислем). Указывал на ошибку, которая создается с политикой с Польшей (сознают фр[анцузы]) и тем, что русские и немцы чувствуют себя выброшенными — по разным причинам из междунар[одных] отн[ошений].

Б[орель] много ждет от репараций. Указывает на бедность госуд[арственных] ср[едств].

Если я и Жантисль будем организо[вывать] — он примет участие.

Об общей мировой организации ученых. Недавно в Париже было собрание, не вышедшее еще в прессу. Молодой австрийский князь де Роган (кузен здешних и связанный(?) с франц[узской] аристокр[атией]) подал идею Европейского union intellectuel³. Без различия политич[еских] и религиозн[ых]. Здесь

¹ При публикации из текста изъяты указания на примечания, присутствующие в исходном тексте [Вернадский В. И. Дневники: март 1921 — август 1925. М.: Наука, 1998. С. 96—115].

² Брошюру, проспект (устаревший термин).

³ Союз интеллектуалов (фр.).

в собрании был кард[инал] Дюбуа и Пэнлевэ. Сейчас Р[оган] в Риме, где та же идея. Получил или получит благословение Папы. Едет в Лондон. В августе хочет собрать у себя в замке в Австрии иници[иативную] группу: будут и немцы. От французов — Ланжевен (почти ком[мунист] по взглядам, по словам Бореля). Русские не предполагались — предложил Борель. Де Роган говорит, что ехать не может в Россию, а надо ввести не эмигранта. Борель предлагает меня свести с де Роганом, когда он будет — в конце мая — опять в Париже, по дороге в Лондон. Де Роган говорит, что у него замок маленький и он не может удобно устроить многих. Я сговорился, ничем не связывая себя — переговорить с де Роганом.

Все время работал. Идет очень медленно.

В настроениях ученой среды еще не сознают, что ком[мунизм] не есть течение, обеспечивающее свободу мысли — но во всяком случае понимание увеличивается.

Borel надеется на выборах на победу левых; думает то же и в Польше. Но для России и там и здесь это не выгода?

Сын уговаривал в Прагу или вообще в Чехию. Для меня ясно, что вернуться, хотя и временно, мне необходимо.

Borel в связи с De Rohan — говорил, что он хотел бы, чтобы участвовал я, т[ак] к[ак] я не немецкой ориентации.

8 и 9 листы минералогии — корректура.

Б[орель] говорит (хлопоты через финанс[овые] сферы какой-то «нрзб» Банка фамилию забыл), что сюда собираются приехать Лузин и Костицын из Москвы для организ[ации] связи русских и французов. Ученый Костицын ком[мунист]? — бывший, но влиятельный. В общем, он был (и есть?) — член Уч[еного] Ком[итета] (ГУС); делал, что мог. Во всяком случае с ним можно было говорить и у него были большие ком[мунист[ические]] связи. Б[орель] предлагал мне тот же вопрос, который я предлагал в Москве: есть ли у него «Костицына» научные работы?

21.V.[1]1923 «Париж»

Утром с Gentil и Patouillet об организации Union Scien[tifique] franco-russe⁴.

Очень трудно в связи с внутр[енними] франц[узскими] «делами».

Patouillet — кандидат сейчас в College de Fr[ance] на место L. Leger. Весь занят подготовкой выборов.

М[ежду] пр[очим], множество мелких черт жизни. Eisenmann, Meillet и др[угие] совершенно лишили Inst[itute] Slave⁵ характера, который ему придал Denis. Недавно лужицкие сербы обращались за защитой — не позволяют открытия школ, не хотят поднимать политич[еских] вопросов — положили под сукно. Inst[itute] Slave — вопреки первонач[альному] плану — связан с Сорб[онной] [8] — но с другой стороны хочет быть независимым. Поляки не вошли.

Про Буайе рассказывают, что одно время он заявлял, что в России нет науки.

Очень определенно считают необходимым действовать исходя из среды натур[алистов], математ[иков] — но не филологов — гуманитариев.

⁴ Франко-русский союз (фр.).

⁵ Институт славяноведения (фр.).

В этом брожении Patouillet и Gentil повторяют то же, что говорит Сергей «С. Ф. Ольденбург» [10].

Обедал у Ал[ександры] Вас[ильевны] «А. В. Гольштейн». Разговоры о фр[анцузах] и Рос[сии].

Психология «левых» понятна: правая политика — ведет к «империализму» — неизбежна новая волна в более или менее близком будущем. Левая — напр[имер] победа здесь лев[ого] бл[ока] и травайлистов «лейбористов» в Англии, даст шансы соглашению с нем[ецкими] соц[иал]-дем[ократами] со всеми последствиями такого соглашения. Семенов рассказывал об ориг[инальной] газете «впервые в Париже» «Quotidion» — без розничной продажи — тираж 50 000 — газета левого блока.

Ал[ександра] Вас[ильевна] была давно анархисткой. Переход ее в федерал[исты]-либер[алы] совершен Драгомановым.

Читаю Грушевского о Драгоманове и «мысль» переносится в прошлое. Он блестящий causeur⁶ и плохой и писатель. Когда А[лександра] В[асильевна] ему говорила, отчего он так небрежно пишет и прекрасно говорит — он ей отвечал: «Книга — не проститутка — она не нуждается в украшениях».

Я помню, как М. П. «Драгоманов» говорил мне, что он так был рад увидеть во мне совпадение — необычное для молодого — с его идеями.

Но сейчас? Для меня в общем остался весь прежний культ служения науке и творч[ескому] исканию, ясное мистическое чувство мира, усилилось чувством живого. Осталось прежнее уважение к человек[еской] личности. Сейчас бы я не смотрел как раньше: бессмертие личного духа, но без единого Бога. И в вопросе о демократии мои мысли изменились. Обеспечение и создание elite — огромная цель.

Как ясен ужас безнравственной формулы: цель оправдывает средства. Это может иметь место лишь для ограниченных тупиц.

Война имела огромные ужасные последствия: ее глубокое вкоренение в человечество. С одной стороны, А[лександра] В[асильевна] и другие — культ военщины. С другой — ком[мунисты] — Красная Армия и создание силы военной для завоеваний революции. В общем — одна «и та же» психология.

16.VI.[1]1923 «Париж»

Любопытна книга Шпета: Ист[ория] рус[ской] филос[офии]. Во многом начало критич[еского] отношения к развитию русской мысли. Ясно, что вся история осознана неверно.

Мы видим, к чему пришло движение мысли русской интеллигенции — и в теперешнем большевизме: идея диктатуры полицейского государства, отсутствия свободы.

Цель оправдывает средства. Сила. Диктатура одного класса. Отсутствие уважения к челов[еческой] личности. Отсутствие чувства независим[ости] (иррац[иональности]) знания и религии.

Представление Шпета о философии неясно и узко. Но все же он дает новое построение умств[енного] развития русского общ[ества].

Реабилитация Уварова. Николай I. Пушкин (а не Радищев) как родоначальник.

⁶ Собеседник (фр.).

Правильна критика мистицизма масонов как теософии.

Влияние Новицкого на учеников было большое. Мой отец вспоминал до конца жизни. Он писал у него сочинение о бессмертии души. Любовь к Платону. Отношение к Платону отец передал и мне. Федон и Тимей.

Об Авсеневе мне говорил Зеньковский как о замеч[ательном] мыслителе; здесь мало.

Оценка Сквороды очень неполная. В общем у Шпета нет культурн[ого] очерка личности и среды, что нужно. Но, конечно, философская мысль — самостоятельная — русская мысль началась очень медленно — много позже ученой работы.

Мне кажется, в ученой работе можно найти философскую подкладку у многих.

Очень люб[опытна] оценка Максимовича (близкого отцу). Мне кажется, его книжки о природе не взяты во внимание.

Кто такой Перцов (302 стр.)?

19. VI. [1] 1923 «Париж»

Вчера на диспуте Masson Ourcel. Его работы, некоторые давно еще в Крыму читал в “R[evue] Philos[ophique]”, интересны по концепции. Позитивист. Поражает французское употребление “positivisme”, “positiviste”. Отлично от нашего. Синоним научного, точного. Еще старое, до-Кантовское? M[asson] O[urcel] ярко проводит необходимость изучения единого процесса мысли всего человечества. Невозможность основываться на единой культуре христианства и З[ападной] Евр[опы] теперь ясна. Китай Индия глубоко охватывают человечество. Искусство, поэзия, философия. Это значение его работы было подчеркнуто.

Он запутался в идее, что философия и наука — одна категория. История философии — наука. Но философия — нет. Об этом еще помню разговоры с Трубецким. «Сравнительная философия» M[ассона] Ур[селя] — nonsens. Но по существу в этом искании M[ассон] У[рсель] с точки зрения истории мысли — живое, новое и интересное.

С Зеньковским о книге Шпета. Он ее просмотрел — ставит очень невысоко.

Но я думаю — не вполне прав. У Шп[ета] есть интересные концепции.

Христианство должно измениться для того, чтобы дать опору человечеству в будущем.

22 VI. [1] 1923 «Париж»

Кончил сегодня роман R[oger] Martin du Gard — Jean Barois [1] — вечный вопрос о смысле жизни и смерти. Вещь сильная и глубокая.

А между тем то общее впечатление, которое я никак не могу никогда выразить в ясных образах.

M[ожет] б[ыть] особенно ясно чувствую.

Мысль изреченная есть ложь.

Но ее я чувствую очень ясно внутренней своей сущностью.

Вся жизнь и все наиболее большие и глубокие ее переживания — мгновенны и далеко не достигают хотения.

В любви, в мысли, в успехах, в достижениях, в глубочайших переживаниях и подъемах личности — всегда, когда начинает подходить разум — чувствуешь мгновенность и недостаточность пережитого по сравнению с внутренней

сущностью! То же — величайшее музыкальное произведение, художественное творение, картина природы. Это все только отдаленное эхо того, чего хочешь. И чувствуешь и в нем то же самое всегда неполное и мгновенное отражение чего то того, к чему стремишься.

И вот, написавши эти строки — видишь, что выразить мысль не удалось. И нет сейчас воли и умения выразить яснее.

Но можно ли выразить это образами и словами?

Страх смерти у меня нет и никогда не было. Чувство мгновенности жизни — чувство вечности и чувство ничтожности понимания окружающего! и себя самого!

Смерть приходит всегда и окружающее полно ею. Это неизбежное как сама жизнь. И так же бесконечное?

Я считаю себя глубоко религиозным человеком. Могу очень глубоко понимать значение «и» силу религиозных исканий, религиозных догматов. Великая ценность религии для меня ясна, не только в том утешении в тягестях жизни, в каком она часто оценивается. Я чувствую ее, как глубочайшее проявление человеческой личности. Ни искусство, ни наука, ни философия ее не заменят и эти человеческие переживания ее касаются тех сторон, которые составляют ее удел.

А между тем для меня не нужна церковь и не нужна молитва. Мне не нужны слова и образы, которые отвечают моему религиозному чувству.

Бог — понятие и образ слишком полный несовершенства человеческого.

3.VII.[1]923 Bourbon Lancy St.Leger, Villa du Rocher

Книжка Грушевского «з починів українськ[ого] соціал[істичного] руху. М. Драгоманов» (Від[ень], 1922) переносит меня в далекое прошлое.

Удивительно жизнь учит. Невозможное становится возможным. Видны настоящие большие эффекты того, что казалось стало малым.

Угорская Русь — еще разговоры с отцом (его старые славянские интересы 1840-х годов), разговоры с Драгомановым (он верил ее возрождению), с Грушевским уже во время войны (не верил). Все Украинское движение — такой прекрасный пример, предостерегающий от всяких обобщений.

Сила идеи — бесконечна. И это мы должны помнить теперь, когда очень часто это забывают в хаосе русских событий.

Очень любопытен Подолинский. Он давно меня интересует. Его энергетическая постановка, не понятая Марксом и Энгельсом, во многом новая. Он — один из предшественников и новаторов. Раньше Joly и своеобразно — но не полно. Мне кажется, есть статьи его в “R[evue] Scient[ifique]”? Или я спутал.

Считать Драгом[анова] социалистом нельзя и все это у Грушевского не глубоко и белыми нитками сшито.

Я помню, как после разговоров моих с Драгом[ановым], он мне высказал свою радость, что нашел во мне более молодого и столь близкого ему по настроению и полит[ическим], национ[альным] идеалам, и я думаю, это верно. Я его знал уже не социалистом.

Интересно прочесть его «Историчну Польшу» теперь.